

6. Топоров В. Н. Заметки по реконструкции текстов. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В. Н. Топоров // Исследования по структуре текста. – М., 1987. – С. 279–281.

7. Три века русской поэзии. Антология : в 2 т. / вступ. ст. В. Вербицкого. – М. : Литература Мир книги 2003. – Т. 1 : XX в. – 492 с.

8. Три века русской поэзии. Антология : в 2 т. Т. 2 : XX в. / вступ. ст. В. Вербицкого. – М. : Литература Мир книги, 2003. – 520 с.

9. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга; пер. с нидерл. В. В. Ошиса; под общ. ред. и с послесловием Г. М. Тавризян. – М. : Прогресс-Академия, 1992. – 496 с.

References

1. Borovskaya A. A., Spesivtseva L. V. History of Russian literature of the end XIX – first third XX century. Astrakhan, 2016. 152 p.

2. Mandelstam O. E. Word and culture. Articles. Moscow, Soviet writer, 1987. 320 p.

3. Narbut V. I. Poems. Moscow, 1990. 445 p.

4. Failure Narbut-poet and Narbut-editor. Ekaterinburg, 2011. P. 24–47.

5. Poltorabtko E. D. Category of corporeality in eclecticism discourse. Moscow, 2009. 189 p.

6. Axes V. N. Notes on the reconstruction of texts. The text of the city-Virgo and the city-harlot in the mythological aspect. Moscow, 1987. P. 279–281.

7. Three centuries of Russian poetry. Anthology: in 2 vol. Vol. 1: XX century. Moscow, 2003. 492 p.

8. Three centuries of Russian poetry. Anthology: in 2 vol. Vol. 2: XX century. Moscow, 2003. 520 p.

9. Huizinga. Homo Ludens. In the shadow of tomorrow. Moscow, 1992. 496 p.

МОТИВ СТРАНСТВИЙ И ПЕРЕМЕН В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ С.Ю. КУНЯЕВА

Исакова Алла Наумовна, аспирант, Московский педагогический государственный университет, 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, e-mail: isakova.alla@mail.ru.

Данная статья посвящена поэзии С. Ю. Куняева, которая по мировосприятию, проблематике и поэтике соотносится с «тихой лирикой», одной из значительных поэтических направлений в литературе 1960–1970-х годов. С одной стороны, в работе показано сопряжение лирики С. Куняева с основными тенденциями развития поэзии шестидесятых с ее пафосом обновления и перемен, с другой стороны – исследуется, как появляются в его творчестве мотивы памяти, постижение традиционных ценностей, прощание с былыми авторитетами. Россия для С. Куняева – это олицетворение и родины, и государства. Лирический герой его лирики – это плоть от плоти народа, он горд и счастлив неотделимостью своей судьбы от судьбы Родины. В стихотворениях С. Куняева исследуется разнонаправленное движение между сентиментальным отношением к изначальным ценностям и предпочтениям и бунтарским отношением к ним, связанным с взрослением, переосмыслением отношений: «малая родина» – отчизна – государство.

Ключевые слова: мотив, память, забвение, поиск, образ Родины, национальные ценности

THE REASON OF WANDERING AND CHANGES
IN THE POETIC WORLD OF S. KUNYAEV

Isakova Alla N., postgraduate student, Moscow Pedagogical State University, 119991, Russia, Moscow, 1 Malaya Pirogovskaya st., p. 1, e-mail: isakova.alla@mail.ru.

This article is devoted to S.U. Kunyayev's poetry, its world perception, problems and poetics belong to "quiet lyrics", one of the most significant poetic directions in literature of the 1960s and 1970s. On the one hand, the work shows the linking of S. Kunyayev's lyrics with the main trends in the development of poetry of the sixties with its pathos of renewal and changes, on the other hand it explores the appearance of reason memory, understanding of traditional values and farewell to departed authorities in his work. Russia for S. Kunyayev is the personification of both the motherland and the state. The lyrical hero of his poetry is flesh of the people, he is proud and happy of the inheritance of his fate from the fate of the Motherland. Many of S. Kunyayev's poems explore multidirectional movement between sentimental attitude toward original values and preferences and rebellious attitude towards them connected with growing, rethinking attitudes: the "little motherland" – fatherland – the state.

Keywords: reason, memory, oblivion, search, image of motherland, national value

Для русской литературы советской эпохи был характерен идеал непрерывного становления человека и общества, пафос обновления. В. Маяковский возвещал: «А надо рваться в завтра, вперед, чтоб брюки трещали в шаг!»». Даже почвеннически настроенный С. Есенин «стремясь догнать стальную рать», пытался включиться во всеобщий процесс переделки жизни. Надежда на мировую революцию, мысль о неизбежном перевороте в сознании людей о грандиозных переменах в социальной практике увлекала многих поэтов и писателей 1920–1930-х годов.

В послевоенной советской поэзии поэты сохранили приверженность радикальным инициативам, духу революционной динамики, что было вызвано временем бурного развития научно-технической революции, покорением космического пространства. Это было характерно, прежде всего, для «громкой» молодой поэзии: «В век разума и атома / мы – акушеры нового, / нам эта участь адова / по нраву и по норову», – восклицал А. Вознесенский в стихотворении «Художник. Письмо К. Зелинскому». Л. Мартынов подчеркивал, что «об этом что ни миг, то новом мире / Ведет он нескончаемый рассказ, / И горизонты делаются шире / От этого у каждого из нас». Поэта манит «рубеж, до коего... не дойти». То, что осуществлено и достигнуто, вызывает у Л. Мартынова гораздо меньше воодушевления, чем-то, чего предстоит достигнуть:

Это почти неподвижности мука –
Мчатся куда-то со скоростью звука,
Зная прекрасно, что есть уже где-то
Некто, летящий со скоростью света!

При всей оригинальности и самобытности названных поэтов – А. Вознесенского, Л. Мартынова – они творили в русле преобладающих в эту эпоху эстетики и мировоззрения. История воспринимается ими как сверхценность, которая определяется грандиозными перспективами социального развития, великими пророчествами, предстоящими открытиями и обретениями.

Но уже в шестидесятые годы в поэтическом направлении, получившим название «тихая лирика», обнаруживается стремление обратиться к истокам, к мотивам памяти, традиционным национальным ценностям. Так для Стани-

слава Куняева, связанного с «тихими лириками», русская земля самоценна, притягательна в своей неизменности, в своей фундаментальной неуязвимости перед прогрессом.

В стихотворении «Оглядываясь на былое» (1979) Л. Мартынов размышляет о неумолимом ходе времени, о неуклонном выпадении прошлого из настоящего, о превращении былого в «безголовые пни», «стружки» и «пепел». В финале стихотворения Л. Мартынов отдает заслуженную дань исчезнувшему:

Но столько зноя в этом слое,
Где кенарь, соловей и чиж,
Что, в пепел глядя на былое,
Грядущее ты различишь!

По пеплу былого можно различить грядущее. Но это не означает присутствия прошлого в будущем, возобновления и воскрешения прошлого.

Для С. Куняева же наследование, преемственность, сохранение прошлого – это и священное право, и фундаментальная драма. Он обозначает «общность со своим поколением и судьбами своих предков, причастных «ко всем историческим бедам, ко всем эпохальным путям» [1, с. 223] России.

Я часть России плоть от плоти –
Наследник всех ее основ –
Петровских, пушкинских, крестьянских,
Ее издревле вещей снов,
Ее порывов мессианских... [3, 60]

Россия для С. Куняева – это олицетворение и родины, и государства. Энергия действия и борьбы органична для его лирического героя. Но она не распространяется на признаваемые поэтом константы. Он убежден, что ядро национальной жизни неизменно, что в самой динамике бытия воспроизводится корневая сущность русского бытия.

Потребность в переменах для лирического героя С. Куняева органична. Немало его ранних стихотворений посвящены расставанию с домом, юношеским поискам своего места в жизни, смысла бытия. Герой идет навстречу опасности, готов к испытаниям, не боится рисковать. Он физически и интеллектуально бесстрашен, нередко мыслит парадоксально и вызывающе.

Мотивы перемен, реальное и духовное освоение пространств Родины соответствовали духу шестидесятничества, но уже в шестидесятые начинается процесс духовного взросления героя С. Куняева, а затем и переосмысления канонических представлений о векторе общественного развития страны, нравственных постулатов времени, о судьбе государства.

Резко и открыто мотив бунта против былых поэтических авторитетов воплощается в стихотворении «Я предаю своих учителей» (1962). Поэт уклоняется от традиционных гимнов любимым наставникам, «пророкам из другого поколения». Он бунтует не против них, а против собственной робости, против слепого поклонения. Поэт терпимо относится к тому, что учителя не забывают «истины вещать». Но в этой назидательности он видит догматизм и препятствие для собственного свободного развития. Особую экспрессию несет трижды повторенное «спасибо». Он благодарен наставникам, но риторически вопрошает себя: «Неужто я обязан отрицать их ради своего вероученья?».

В душе поэта разворачивается настоящая драма. Лирический герой ощущает в себе мощную потребность быть «послушным и прилежным» перед наставниками и отдает себе отчет в том, что тем самым противится, «не дается судьбе своей». Покоряться своим учителям, значит отречься от себя, предавать себя. Поэт завершает стихотворение трагической констатацией:

«Молчу. Но тем верней и неизбежней / я предаю своих учителей» [2, 72]. В стихотворении отразился процесс смены эстетических, этических и идеологических ориентиров С. Куняева 1960-х годов, его переосмысление революционного романтизма поэзии 1920-х годов, прежде всего, Э. Г. Багрицкого с его пафосом беспощадного отрицания старого уклада и старого быта.

Окончательный разрыв с революционным романтизмом у С. Куняева произошел в конце 1970-х годах. Эпиграфом к его стихотворению «Размышления на старом Арбате» служит известная песня Б. Окуджавы «Ах, Арбат, мой Арбат». Одновременно стихотворение С. Куняева – это отсылка к роману А. Рыбакова «Дети Арбата», опубликованного в эпоху «перестройки», темой которого стали репрессии 1930-х годов.

Основой стихотворения является идея исторического возмездия «несчастным детям Арбата», той интеллигенции, которая не поняла, что «всё начиналось с детей Николая», не слышала «беломорские стоны / Там, где трещала крестьянская кость», не желала знать, «как умирают в Нарыме от стужи / Русский священник и нищий кулак». И «барак в Республике Коми», по убеждению С. Куняева, является и следствием «подвала в Ипатьевском доме».

С. Куняев не отрекается от советского прошлого, в котором видит продолжение русской истории, русской государственности. Он так же не принимает и путь эмиграции («Родная земля», «Непонятно, как можно покинуть»).

В стихотворении «Целый день я бесцельно бродил» С. Куняев жестко фиксирует противоположности в своем сознании, связанные с переоценкой ценностей, памятью и забвением, но сохраняет их в собственной душе. Поэт убежден, что именно в этом заключены высшее напряжение и высшая полнота бытия.

Мятежные порывы, бунтарский дух, отчаянность – фундаментальные черты лирического героя С. Куняева. Ему нравится «выдерживать перегрузки» («Недосыпать, недоедать» (1974)), нравится быть бойцом и победителем. В стихотворении «Полжизни прошло на вокзалах» (1965) поэт размышляет о результатах и последствиях своих странствий и скитаний по великой родине. «Путь» является одним из корневых слов лирики С. Куняева. В первой строфе звучит отнюдь не гоголевский восторг от встреч с бесконечными российскими далями. Поэт несколько смущен и разочарован тем, что «полжизни прошло на вокзалах». Инверсия эпитетов («усталых», «широких», «высоких») имеет акцентное значение. Усиление звуковой выразительности происходит за счет чередования ударных и безударных клаузул, в то время как рифмы остаются простыми, точными: «вокзалах» – «усталых», «широких» – «высоких», «дня» – «меня», «затей» – «людей». В отличие от «громкой» поэзии, С. Куняев, как и многие «тихие», не увлекается ассонансной рифмой и ритмическими изысками.

Лирическим героем С. Куняева руководят не мудрые назидания, а стихийные порывы. Он живет и действует в соответствии с тем, куда влечет его душа, куда она смеет рвануться. В финальной строфе стихотворения поэт признается:

Но все почему-то хотелось,
Чтоб ветер лопнул в окно...
Отчаянье? Молодость? Смелость?
Не знаю. Не все ли равно. [3, 144]

Поэтическая самокритика С. Куняева и жесткая переоценка ценностей связаны у поэта с тем, что предметы его сентиментального пафоса начинают восприниматься им как иллюзорные. В стихотворении «Целый день я бесцельно бродил» (1966) изображена ситуация, когда герой припадает к первоисточнику своей судьбы, возвращается в «родные места». С первых строк стихотворение поражает отсутствием традиционных поэтических образов, в

которых воплощается умиление прошлым. Душа героя ропщет и бунтует. Он «всю душу себе растравил». Он сердится на себя, что «напрасно сюда приехал». Свидетельства его детских и юношеских радостей искажены, повреждены разрушительными переменами. Поэт беспощаден к своим иллюзиям, к инертной повторяемости своих мнимо утонченных переживаний:

Опостылело мне с давних пор,
 Чувств своих не жалея, прощаться,
 Пропадать и опять возвращаться,
 Словно роль затвердивший актер. [2, 167]

Лирический герой готов к решительному переосмыслению собственных чувств. Свои повторяющиеся переживания, которые он испытывает, возвращаясь в родные места после разлук, он уподобляет роли, как «затвердивший актер». Искренние чувства от многократного повторения вырождаются, истощаются, становятся механическими. Чтобы отстраниться от первоначальных привязанностей, он слагает в своей душе гимны чужому пространству – Памиру, Тянь-Шаню и другим экзотическим горам и дорогам. Цель подобных внутренних усилий – уйти от воспоминаний, «чтоб расплылись в глазах очертанья и приметы родимой земли». Но внутренний конфликт и драматическая борьба не исчерпываются. Герой слышит в себе голос «сырой весенней мглы», то есть голос малой родины, родных мест. Этот голос утешает поэта в его мучительной раздвоенности и предрекает, что герой никогда не избавится от своего духовного противоречия, которое и болезненно, и целительно.

Грандиозность России, и историческая, и географическая, побуждает крепко и прочно держаться за родной уголок, за малый островок среди необъятных просторов. Но эта привязанность начинает угнетать и раздражать, оценивается как непростительная слабость.

В стихотворении «Не земля, а всего лишь страна» (1967) герой признает, что испытывал подобную досаду и к самому себе, и к родному гнезду. Он удивляется самому себе, что мир в его сердце не расширяется, а сужается. Это воплощается через многозвенную поэтическую градацию: «не земля, а всего лишь страна, / не страна, а всего только город, / только улица, клен у окна...» [2, 178]. Стихотворение, написанное трехстопным анапестом, в первых трех строках имеет перечислительную интонацию, выражающую сомнения лирического героя в своих чувствах и оценках знакомого пространства. «Переулки кривые», «милая река», «клен у окна» заслоняли от героя «весь свет: и любовь, и работу, и славу». В четвертой строфе поэт создает эффект неожиданности, который возникает от сопоставления совершенно несопоставимых слов, эффект сильной неожиданной рифмы: «бедняк» – «овраг». Повтор указательного местоимения *этот* направляет лирического героя к «отеческим стенам». Расстроганность вытесняется у него усталостью и раздражением. Он возвещает: «я устал от родимых примет и причуд материнского нрава».

В ранней поэзии С. Куняева частотны мотивы расставания с домом, поисков лирического героя места в жизни, смысла бытия. Оставляя родное пространство, герой переполнен жаждой свободы, самоутверждения, познания внешнего мира. Но вместе с тем, лирический герой ощущает привязанность к малой родине.

Во многих стихотворениях С. Куняева мы наблюдаем это разнонаправленное движение лирического героя между сентиментальным отношением к изначальным ценностям и предпочтениям и бунтарским отношением к ним, связанным с взрослением, переосмыслением отношений: «малая родина» – отчизна – государство. Порой кровное родство настолько сильно, что лирических герой не может оторваться от родных корней. («От своих переулков кривых»). А иногда он обнаруживает в себе способность к радикальным переме-

нам, к ослаблению прежних привязанностей. Такое переосмысление ценностей связано с лирической рефлексией героя.

С точки зрения национальной проблематики мы открываем в лирике С. Куняева одну из драматических антиномий русской национальной характера, отмеченную ещё Н. А. Бердяевым. Географическое положение России, ее историческая составляющая способствуют, с одной стороны, привязанности к традиционному, родному, с другой – желанию познать бесконечность далее, открыть иное. Лирический герой С. Куняева пребывает между традиционными взглядами на вечные ценности и мятежными порывами.

Список литературы

1. Золотцев Ст. Суровость и доброта стиха / Ст. Золотцев. // Октябрь. – 1978. – № 9. – С. 223–224.
2. Куняев С. Ю. Избранные произведения / С. Ю. Куняев. – М. : Художественная литература, 1988. – Т. 1. – 414 с.
3. Куняев С. Ю. Озеро Безымянное: Книга стихов / С. Ю. Куняев. – М. : Современник, 1983. – 303 с.

References

1. Zolottsev St. Surovost' i dobrota stikha. Oktober, 1978, №9, pp. 223-224.
2. Kunyaev S. YU. Izbrannye proizvedeniya. T.1. Moscow, KHudozhestvennaya literatura, 1988, 414 p.
3. Kunyaev S. YU. Ozero Bezymyanoe: Kniga stikhov. Moscow, Sovremennik, 1983, 303 p.

ОПЫТ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ АВТОБИОГРАФИИ: ДМИТРИЙ ПРИГОВ «ТВАРЬ НЕПОДСУДНАЯ»

Романовская Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: volga75sky@mail.ru.

Цель статьи – исследовать особенности повествования в автобиографическом эссе Дмитрия Пригова «Тварь неподсудная». Автор обнаруживает противоречия между постмодернистскими интенциями и традиционной структурой автобиографии на повествовательном уровне текста; выделяет и описывает формы проявления этого противоречия: иронию и самоиронию, пародирование, имитацию лиризма и сентиментальности как «чужого слова», элементы «непокаянной исповеди», используя нарратологический метод исследования, а также типологию прозаического слова М.М. Бахтина. В статье сделаны выводы о том, что постмодернистская эстетика трансформирует жанр автобиографии.

Ключевые слова: Пригов, постмодернизм, повествование, автобиография, ирония

POSTMODERN AUTOBIOGRAPHY EXPERIENCE: DMITRY PRIGOV'S "BEAST BEYOND JURISDICTION"

Romanovskaya Olga E., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, Russia, 414056, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: volga75sky@mail.ru.

The article aims to study narration peculiarities of Dmitry Prigov's autobiographic essay "Tvar nepodsudnaya" ("Beast beyond jurisdiction"). The narrative layer of text exemplifies contradictions between postmodern intentions and autobiography's traditional structure; highlights and describes manifestation forms of this